

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 2.4 UUID: FBD-14C282-BC92-9C43-EF97-BA3A-759C-70E96F PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович Амфитеатров

СЫЩИК (Мифы жизни (1911))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатровым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Содержание

#1	0005
Примечания	0018

СЫЩИК

*Посвящается
Антону Павловичу Чехову*

Вечером в сочельник, когда сумерки уже на-
двигались, но желанная звезда еще не за-
жглась на горизонте, ко мне пришел гость.
Звали его Андреем Ивановичем Петровым.
Он служил в моей конторе объявлений. Это
был чудной человек. Когда, бывало, он —
неподвижный и задумчивый — стоит в своей
любимой позе, прислонившись спиною к сте-
не и сложив руки на груди, мне всякий раз
так и вспомнится статуя командора: такая
громадная, словно из камня вытесанная, мо-
гучая фигура. Думаешь: вот тронется с места
этот гигант, — то-то стук пойдет от его но-
жищ, непременно он что-нибудь толкнет,
опрокинет, ломает. На самом же деле Ан-
дрей Иванович обладал настолько осторож-
ною походкой, что, кажется, мышь делает
больше шума, пробегая по полу. Ловок он был
поразительно: я никогда не видал, чтоб он
уронил что-нибудь. Когда мы бывали вместе
в театре или на гулянье, то он пробирался в
толпе, как вьюн, и в то время, как мне прихо-
дилось раз десять сказать и самому выслу-
шать: «виноват», Андрей Иванович ухитрялся
пройти, не толкнув никого и сам не получив

ни одного толчка. Однажды у нас в конторе задебоширил клиент — «Геркулес» из местного цирка. Он пришел пьяный, обиделся на меня за что-то и начал кричать. С гостем, который вяжет узлом кочерги и носит на плечах пирамиды из пяти человек, шутки плохи. Я уже думал послать за полицией; вдруг Андрей Иванович подошел к буяну, спокойно взял его за шиворот, качнул вправо, качнул влево, поворотил к двери, и оторопевший от неожиданности силач кубарем вылетел из конторы. Я не верил своим глазам, а Андрей Иванович как ни в чем не бывало возвратился к своим занятиям.

— Как же, батюшка, вы не сказали мне, что вы такой богатырь? — воскликнул я.

— Что ж хвастаться-то? — спокойно ответил Петров.

Андрей Иванович поступил ко мне по рекомендации одного из моих ближайших приятелей. Меня очень интересовало прошлое моего конторщика, но на этот счет он был крайне скрытен: на прямые вопросы давал уклончивые ответы, а при косвенных намеках вилял речью, как Талейран и Меттерних,

вместе взятые. Я обратился с расспросами к приятелю, рекомендовавшему мне Петрова. Тот сердито поморщился.

— Охота тебе лезть не в свое дело?! Андрей Иванович хорошо тебе служит?

— Лучше не надо.

— Так чего ж тебе еще?

— Но послушай, братец, согласишься сам: что за странная таинственность? Может быть, на нем... того... в некотором роде пятно?

— А хоть бы и пятно? Что, тебе легче станет, если ты узнаешь? Только получишь предубеждение против хорошего, преданного малого.

— По крайней мере, скажи вот что. Он рекомендован мне тобою, а ты ведь у нас либерал большой руки... Он — храни Бог! — не социалист?

Мой приятель оглушительно захохотал.

— Ой, пощади! уморил! убил! — кричал он, захлебываясь от смеха, — Андрей Иванович — социалист! Попал же ты пальцем в небо!

Любопытство мое было напряжено в высшей степени, и наконец я не выдержал —

прямо и резко потребовал у Петрова объяснений, указывая, что держать у себя на службе «таинственных незнакомцев» крайне неудобно и боязно. Андрей Иванович поднял на меня свои серые глаза, — замечательно холодный и пристальный взгляд был у этого человека, — и спокойно сказал:

— Я не скрываю своего прошлого, а только не люблю говорить о нем без нужды, так как весьма многим мое прежнее звание не по вкусу, и я часто имел из-за этого большие неприятности. Но, раз вы требуете, так извольте: я был сыщиком... А затем — если вам это не нравится — можете меня уволить; претендовать на вас я, конечно, не в праве...

Разумеется, я не отпустил от себя хорошего и деятельного служащего, но... вот тебе и социалист!

* * *

Мы поздоровались с Петровым, уселись вместе на подоконник и стали бесцельно глядеть в декабрьские сумерки. Звездочка зажглась. Ударили ко всеобщей. Петров перекрестился. Раньше я не замечал за ним особенной набожности, а потому немного уди-

вился. Он заметил:

— Вам, Ипполит Яковлевич, странно, что я перекрестился? Оно, знаете, точно: к религии я не очень привержен, — жизнь-то тебя треплет-треплет, за куском-то гонишься-гонишься... поневоле озвереешь душой! А всё иной раз очувствуешься и Бога вспомнишь... особенно вот — благовест... Эх, если бы вы знали, как он выручил меня из беды десять лет тому назад! Хотите, расскажу?

— Пожалуйста!

— Извольте слушать. В 187* году я был причислен к м-скому полицейскому составу. Заведовал нами полковник Z. Я был у него на отличном замечании, и мне поручались только крупные и трудные поимки. Появился в М. один громила. Звали его Федором, а по осторожной кличке — Чеченцем, так как хоть Федор чечни и в глаза не видывал, а был самым настоящим православным туляком, но вид имел строгий, нрав дерзкий и горячий и был необыкновенно быстр на руку. В М. он работал не один, а с компанией таких же молодцов, как он сам, и работал чисто: нынче взлом здесь, завтра грабеж там... ужас что

творилось! Убивать, однако, не убивали. Мало-помалу вся честная компания была перехватана; остался гулять на свободе один лишь Федор. Полковник поручил его мне.

У меня, должен вам сказать, была такая сыскная манера: первым делом — не выпустить преступника из города. Состав у нас был большой — следить за городскими окраинами, значит, ничего не стоило. Вторым делом — я принимался допекать знакомых преступника, и так, бывало, надоем им обысками, что, оберегая свою шкуру, они родному брату отказали бы в пристанище, если бы я его разыскивал. А одно какое-нибудь теплое местечко возьму, да и оставлю как будто вне подозрений. Преступник сунется туда-сюда — везде ему отказ, нет приюта; придет в мое назначенное местечко — «милости просим! прячься, сколько хочешь! здесь тебя и не думали искать!» А я и — тут как тут с городовыми.

Вот таким-то именно способом гонял я Федора по городу из квартала в квартал и затравил его вконец. Ловок он был прятаться, но мы его так прижали, что даже любовница от-

казала ему в убежище, и с отчаяния он совсем одурел — показался днем на улице. Разумеется, до первого перекрестка не дошел, как Фролов, мой сподручный агент, сцапал его за шиворот. Но Чеченец не сробел, хватил Фролова закладкой по темени и — поминай как звали! Словно сквозь землю провалился. Случилось это как раз в самый сочельник, утром. Хоть Федька и пропал без вести, но я понимал, что из квартала, где вся эта история произошла, он никак не мог уйти: уж очень хорошо мы его оцепили. Значит, думаю, птица в клетке. Куда ж бы это она запряталась? Пораскинув умом, решил, что некуда Чеченцу деваться, кроме как — к Евгении: жила по близости одна такая старуха, имела собственный домишко, давала деньги в рост и торговала всяким старьем; не отказывалась купить и краденое. У нас она была в сильном подозрении, но улик на нее не имелось, а «не пойман — не вор». Обыскали мы домишко и двор Евгении и ничего не нашли: однако мое убеждение не поколебалось, — так вот и говорит мне тайный голос: «Здесь Чеченец! здесь». Хорошо-с. Хоть обыск и не дал ничего определенного,

однако я оставил самых надежных из своих молодцов исподволь следить за торговкиным двором, а сам пошел в участок. Часу в шестом прибегает за мною Фролов.

— Андрей Иванович! штука! Помните караулку у Евгеньиных ворот?

— Ну?

— Старуха говорила, будто там никто не живет, что она и развалившаяся, и такая-сякая...

— Да ведь и правда, что развалюга. Мы ее осматривали. Где там спрятаться человеку?

— А вот подите же: я не я, если там сейчас не вспыхнул огонек... словно кто-нибудь спичку зажег...

— Ты не врешь?

— Чего мне врать?! Я тихим манером приставил к воротам Сидорова с Поликарповым, а сам побег донести вам.

Я повторил обыск. В караулке никого не было, но — уж и не знаю, как вам это объяснить... как-то пахло живым человеком! Здесь Федька, непременно здесь... а где? четыре стены да печка — вот вам и вся караулка. В сверчка, что ли, оборотился он, разбойник? И

вдруг вспала мне на ум одна мысль...

Я оставил Фролова с людьми в караулке, а сам обошел вокруг ее и вижу: позади караулки — помойка, между помойкой и соседским брант-мауэром валяются две доски. Меня взяло сомнение: зачем тут быть доскам? Приподнял одну, а под нею — яма. Эге!.. Пощупал ногой — глубоко. Так и есть: из-под караулки устроен лаз. Недаром про Евгению болтают, будто у ней находит приют всякое жулье.

Опустился в яму, ощупываю, — велика ли, где ход в караулку, — вдруг земля подо мной осыпалась, и я полетел вниз.

Встал на ноги и вижу — погреб. На полу стоит жестяная лампочка, возле нее разостлано рядно, а на этом рядне сидит на корточках человек и целит в меня из двухствольного ружья. Да чего там целить, когда между нами едва сажень расстояния и ружье чуть не упирается мне в грудь! В кармане у меня был револьвер — отличный самовзвод. Но сунуть руку в карман — это момент, направить дуло на разбойника — другой, а у него уж и прицел сделан, и курки взведены, остается только пальнуть при первом моем движении. Думаю: за-

кричать разве? Ну, хорошо, закричу я; а он сейчас же и ухлопает меня, да, взяв мой револьвер, получит в свое распоряжение еще шесть выстрелов: на всю мою команду хватит!.. Словом, как ни верть, все в черепочке смерть! Шабаш! умирать надо!

Все это, Ипполит Яковлевич, я обдумал до того быстро, что и сам не пойму, как такая орава мыслей поместилась у меня в голове зараз. Как только я увидел, что спасения нет, мне даже досадно стало, до злости горько: чего же еще Федька ломается, тянет время? Зачем не стреляет? А всего-то — понятное дело — много-много секунды две-три промелькнуло с тех пор, что я провалился в подкоп.

Чеченец молчит — я молчу. Ни молиться, ни просить, ни хоть обругать его, каналью, перед смертью — ни иа что нет охоты. Так, одно только в уме: «Сейчас он меня пришибет! пришибет! пришибет!»

И вдруг, в это самое мгновение, что-то загудело над нами... Колокол! — стало быть, началась всенощная. У меня рука сама поднялась на крестное знаменье...

Смотрю на Чеченца, а у него вдруг как за-

дрожат руки... Другой удар... третий... Я глазам не верю: побелел Федька, как полотно, губы трясутся, на глазах слезы...

— Христос, — шепчет, — Христос родился! — да с этим словом как швырнет ружье на пол!..

— Вяжи! — говорит.

А у меня револьвер, будто сам собою, очутился в руке, и Федька стал совсем в моей власти...

Андрей Иванович замолчал и задумался.

* * *

— Что ж? вы, конечно, арестовали его? — поинтересовался я.

Андрей Иванович встрепенулся и, как мне показалось, взглянул на меня с некоторым негодованием.

— Ну, уж, Ипполит Яковлевич, — сказал он недовольным голосом, — каков я ни есть человек, а вы слишком низко понимаете обо мне... Как же так?! помилуйте!.. Человек мог меня пристрелить и помилосердовал, а я ему сейчас же и руки за лопатки?! Что греха таить! Было у меня такое первое намерение, чтобы броситься на Федьку, повалить и по-

звать своих молодцов. Но вижу — стоит он и крестится, а слезы так и бегут по щекам; бормочет:

— Христос родился... мы-то, мы-то что делаем!.. Господи! в такой праздник чуть не убил человека!..

Что-то стиснуло мне сердце. Себя не помню, показываю Чеченцу на его лаз и шепчу:

— Уходи, пока цел! Сзади караулки цепь не расставлена...

Он было широко открыл глаза, шагнул ко мне, а я рукою машу, все показываю ему на лаз. Как бросился он из погреба, только я его и видел.

Вышел я на свет Божий, зову Фролова:

— Смотри-ка, — говорю, — какова яма?

Он так и обомлел; шепчет мне:

— Непременно тут, под караулкой, есть подполье. Это Федькина нора...

— А ну! зови наших! Посмотрим!

Спустились мы в погреб уже вчетвером, нашли ружье, лампу, рядом... Только Федьки не было!

— Эх! — говорю, — ребята! Видно, не наше счастье! Была здесь птица, да улетела!

Тем временем подоспел участковый. Составили протокол. Евгению арестовали. Уж не помню, чем кончилось ее дело...

— А что случилось с Федькой? — спросил я.

— Не могу вам сказать... — задумчиво ответил Петров, разводя руками. — В М. он больше не показывался... Слышал я, что на Макарьевской ярмарке в тот же год нашли какого-то мертвого оборванца, похожего на Федьку с лица, с перерезанным горлом. Но он ли это был или другой, и от кого он погиб, ничего не знаю; я в это время уже собирался оставить службу и мало ею интересовался... Да — наверное, он: ихний брат всегда этак кончает!

Примечания

В предисловии к сб. «Святочная книжка» А. В. Амфитеатров сообщал: «Рассказ „Сыщик“ был издан ранее, в приспособлении для народа, известною фирмою „Посредник“ <...> и, в том же виде, был перепечатан в сборнике моем „Сон и явь“. Здесь я помещаю его в первоначальной редакции, как появился он когда-то в тифлисском „Новом обозрении“ Н. Я. Николадзе». В сб. «Сон и явь» (М., 1893) входил в раздел «Святой вечер», был включен также в сб. «Случайные рассказы» (Спб., 1890).

Печатается по изд.: Амфитеатров А. Святочная книжка. Спб., 1902.

Рассказ посвящен А. П. Чехову, с которым Амфитеатров работал в юмористическом журнале «Будильник» в начале 1880-х гг.

Талейран Шарль Морис (1754–1838) — французский дипломат и государственный деятель, один из выдающихся представителей «классической дипломатии».

Меттерних Клеменс Менуель Лотар (1773–1859) — австрийский государственный деятель и дипломат.